

The book cover features a bright yellow background. A vertical strip of white paper with a torn, ragged edge runs down the center. On either side of this strip are dark brown silhouettes of a man's and a woman's heads in profile, facing each other. The author's name is printed in black, and the title is in large, bold red letters, both centered within the white paper strip.

ОЛЬГА МИНСКАЯ

**ЗАЧЕМ
НАМ ЭТА
ЛЮБОВЬ?**

Ольга Минская

Зачем нам эта любовь?

«Издательские решения»

Минская О.

Зачем нам эта любовь? / О. Минская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-502511-1

Любовь ворвалась в их размеренную и устоявшуюся жизнь, и появился смысл, аромат и вкус. Позволят ли они страсти разнести в щепки все, что было создано за долгие годы? Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-502511-1

© Минская О.
© Издательские решения

Содержание

Давид	6
Таня	9
Давид	12
Галит	16
Таня	18
Галит	20
Давид	22
Таня	23
Галит	25
Таня	26
Давид	27
Галит	28
Таня	29
Давид	30
Галит	31
Таня	32
Давид	33
Таня	35
Таня	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Зачем нам эта любовь?

Ольга Минская

*Любящие не встречаются,
они с самого начала друг в друге.
Джалал ад-Дин Руми*

Редактор Марта Шарлай
Корректор Валентина Корионова
Арт-директор Саша Таран

© Ольга Минская, 2024

ISBN 978-5-0050-2511-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вот она жизнь, мчится вперед, как скоростной электропоезд на магнитной подушке. Только вчера мы оттанцевали на выпускном балу и робко вошли в двери университетов, а сегодня среди нас свои миллионеры и дети-аутисты. Некоторым мир щедро подарил все и сполна, а другим пришлось на своей шкуре убедиться, что они не родились, чтоб «сказку сделать былью».

У меня есть подруги, которые не смогли родить детей, а другие решили их не заводить, и уже у каждого из нас есть друзья детства, которые умерли от болезней или погибли по глупости.

Наши родители стали детьми, то есть такими же беспомощными и наивными.

И каждому пришлось смириться с тем, что есть мечты, которые не сбудутся никогда.

Пришлось повзрослеть – взять ссуды в банках, детские ладошки в руки и полную ответственность за все, что происходит вокруг. Среди нас есть лесбиянки, праведники, подонки и душевнобольные. Кто-то потерял большую любовь, кто-то ее так и не нашел. Часть браков распалась, другая часть уныло продолжается, не принося счастья, но и не причиняя боли.

Люди, которых мы ждем всю жизнь, – где-то за углом, проводят день за днем совсем не с теми. А мы никак не можем встретиться. Но некоторым повезло: их встреча состоялась, и теперь они летают через океан, чтобы посмотреть в дорогие глаза, вдохнуть запах любимого одеколona и замереть от счастья.

И мы наконец-то поняли, что ничего другого не будет.

Что ж, здравствуй, жизнь!

Давид

Клиент пространно объяснял, почему он считает, что надо делать иначе, а не так, как предлагал Давид. Давид прикрыл глаза и изредка хмыкал в трубку, чтобы поддержать разговор. Мейрав, секретарша, заглянула сообщить, что уходит и что в приемной еще есть посетители. Спустя десять минут разговор наконец-то закончился, и вошла женщина – последняя на сегодня. Он вежливо улыбнулся, жестом попросил дать ему секунду и что-то записал в толстой тетрадке. Поднял взгляд. Она смотрела на него серыми глазами и улыбалась.

– Я не отниму много времени. Мне только проконсультироваться. Анат сказала, что ты сможешь мне помочь.

– Я к твоим услугам. И можешь не спешить.

Какого черта он так сказал? Ему же не терпелось остаться в тишине и больше никого не слушать.

К счастью, она толково объяснила, в чем проблема. Он порекомендовал своего друга, который специализировался на трудовом праве. Она встала, чтобы уйти, а он подумал, что больше никогда ее не увидит. И неожиданно попросил, чтобы она держала его в курсе дела. Она снова улыбнулась и пожала ему руку. Ее ладонь была упругой, а рукопожатие оказалось неожиданно сильным.

Когда за ней захлопнулась дверь, он нервно прошагал туда-сюда по офису. Встал у окна – ждать, когда она выйдет из здания. Бросился в приемную. Она словно испарилась. Он позвонил Мейрав и спросил, кто была эта женщина, и вообще, почему он ее принимал. Та ответила, что Анат, его сестра, попросила за нее.

– Напомни, пожалуйста, как ее зовут?

– Таня.

Таня. Таня. Таня.

Прошла неделя. Она не звонила. Он знал, что у секретарши есть ее телефон.

Что у Анат есть ее телефон.

Что он найдет ее в считанные секунды.

И не искал. Он был занят, он устал. И наверно, он уже не играл в эти игры. У него все было – известность, деньги и устроенная жизнь. Подумаешь, еще одна привлекательная, мило-видная... Нет, не то – он никак не мог подобрать слово. Еще одна женщина. Но иногда взглядом он искал ее на улице. Ему казалось, что она идет вот где-то совсем рядом. И тогда он улыбался, вспоминая крепкое рукопожатие маленькой руки. Один раз он даже пошел за невысокой женщиной, гадая, Таня это или нет. Оказалось, что не она – и он расстроился.

Потом он уехал с семьей кататься на лыжах. Дети (он звал их – мальчишки, но это были двое молодых мужчин) в последний момент решили тоже поехать с ними. Это было неожиданно и тем самым особенно мило – он и не ожидал, что они вместе куда-нибудь выберутся еще раз. Сыновья отслужили в армии, оба учились в университете, оба не жили дома. Они приходили на субботний ужин, сидели с родителями пару часов, а потом убегали к своим девочкам, друзьям, вечеринкам... Иногда просили о помощи – денег подкинуть, разобраться с хозяевами съемных квартир. Он радовался, понимая, что совсем скоро они уже и об этом его не попросят. Закончат учебу, начнут работать и совсем уйдут в свою взрослую жизнь. И даже по пятницам не будут больше к ним приходиться. И тогда он останется с Галит один на один. Она, конечно, будет все время приглашать гостей. Он – как бы радушно их принимать. И всё. Хотя работы становилось больше и больше, что позволяло ему не вливаться в этот светский поток.

Хорошо, что много лет тому назад он решил не поступать на художественный факультет, а закончить юридический и экономический факультеты. Что бы он теперь делал со своей живописью? Хотя первые лет двадцать он жалел. Уже был успешным адвокатом и все равно жалел,

пока не понял, что никогда бы не смог позволить себе этот уровень жизни, если бы стал художником. Дом, поездки, машины, лыжи, подводное плавание... Все было бы только на полотнах и в его воображении. Когда он это проговорил, его карьера резко пошла вверх. Поездки, правда, пришлось сократить – клиенты не любили, когда он их покидал, даже несмотря на то, что в офисе оставались партнеры, работники и стажеры.

Галит оставила частную практику и осталась только в отделе психологической помощи университета. Работала на полставки и занималась мальчиками и домом. Мальчики его умиляли. Такие смешные, разумные, шустрые. Только они очень быстро росли. Еще вчера он целовал их перед сном, а сегодня привозил им кроссовки на размер больше, чем себе.

Галит? Она красиво выросла. Слово «старела» к ней было неприменимо. Ухоженная, правильная, светская. Почему пятнадцать лет тому назад он от нее не ушел? Бар-мицва¹ старшего сына? Синдром рассеянного внимания, обнаруженный у младшего? Или причина была в том, что она не хотела отдать ему собаку? Иногда он сам чувствовал себя собакой с поджатым хвостом. Тогда после того, как он никуда не ушел, у него случился роман, потом другой. А потом все кончилось. И он остался только с ней. В большом доме, с ее гостями и его кабинетом, заваленным папками с делами. Собака умерла. Он подобрал и принес в дом котенка, она криво улыбнулась, он решил не заметить. Именно тогда Давид перестал переживать из-за того, как сложилась жизнь, потому что так жили его друзья.

Десять дней во Франции были прекрасными. Морозный воздух, скорость и чистота в голове. Ужины с мальчиками, дуракаваляние, ну и, конечно же, три-четыре часа работы – с утра либо на ночь. Галит тоже была милая. Как та, в которую он влюбился: когда она еще восторгалась простыми вещами. Когда она не говорила нудным и всезнающим психологическим голосом – и не держала многозначительные паузы. Как обидно, что очарование – прошло. К концу поездки, он уже скучал по работе, по Тель-Авиву, по солнцу и морю. И вдруг затосковал. Понял – сейчас они вернутся, и радость кончится. Ветер не будет свистеть в ушах. Голова заполнится важной ерундой. А то, что по-настоящему дает ему ощущение жизни, – уйдет. У мальчиков начнется второй семестр. А у него авралы, суды, Галит... и всё.

В Тель-Авиве был хамсин² и двадцать пять градусов тепла. Анат заскочила повидать его после разлуки. Они с сестрой по-прежнему были близки, старались встречаться раз в месяц. Он отметил, что она, кажется, вполне довольна жизнью. Неожиданно спросил, счастлива ли она.

– О чем ты? Наверно, да, – походя ответила Анат и засобиралась на зумбу.

– А как твоя подруга? – вдруг он услышал свой вопрос.

– Которая?

– Таня.

– Та-ня! Она не любит, когда неправильно произносят ее имя. Она – замечательно. Передавала тебе благодарность за рекомендацию. Кажется, там все складывается удачно – и до суда дело, скорее всего, не дойдет.

Анат ушла. А он видел перед собой серые глаза Тани. Как она смотрела, как улыбалась чуть припухшими губами. Крепко пожала ему руку и снова широко улыбнулась. Откуда у нее такое крепкое рукопожатие? Нет, он не будет ей звонить.

В воскресенье, придя в офис после десятидневного отсутствия, он первым делом попросил Мейрав найти номер ее телефона. Номера не было. Потому что это было по просьбе Анат... Потому что Давид этими делами не занимается... Потому что это была пятиминутная консультация. И он не сказал, что это важно. Мейрав не сохранила телефон. Но, если нужно, она сей-

¹ Праздник религиозного совершеннолетия в иудаизме. Тринадцать лет для мальчика – бар-мицва, и двенадцать лет для девочки – бат-мицва.

² Изнуряющий сухой ветер из пустыни.

час все найдет. Как? Она может позвонить Анат. Не надо, сказал он. И нырнул в накопившиеся дела. А вечером, когда Мейрав зашла попрощаться, он попросил ее сейчас же, перед уходом, узнать Танин телефон. Он мог бы сам позвонить Шехтеру, потому что он сам его ей порекомендовал. А потом вдруг решил, что не стоит. Пусть лучше Мейрав позвонит его сестре. «Да, сделай это до того, как ты уйдешь. Прямо сейчас».

А когда номер телефона лежал перед ним на столе, он вдруг подумал: зачем ему это? Да, у нее чудесная улыбка, прекрасные глаза и легкие движения. Но нужно ли ему это? Была некая прелесть в том, что многое его уже не волновало. Периодически случались какие-то истории. Быстрые и безопасные, в которых не надо было вкладывать время, усилия и душу. А еще он не знал, удобно ли выбрал время – может быть, она дома, готовит ужин мужу и детям. Может быть, не вспомнит, кто он такой. Он что, совсем сошел с ума? Как не вспомнит? Шехтер – один из лучших адвокатов, ей самой никогда бы к нему не попасть. Кстати, а почему он взялся за ее дело? Шехтер был бабником. Может быть... Позвонил клиент, потом он долго объяснял стажеру, что надо переделать до завтрашнего утра. А потом наступила ночь. Он не набрал ее номер. Когда собирался домой, позвонила Галит и попросила по дороге купить молоко. Хорошо, что всегда много работы. Хорошо, что есть Галит, с ее бесконечными просьбами о мелочах.

А через пару дней Таня позвонила сама. Поблагодарить за Шехтера. А он бежал на встречу. И вдруг пригласил ее на кофе. Чтобы все подробно узнать. У него как раз после встречи два свободных часа, и неважно, что полно работы, – он может сделать это ночью. И она согласилась. И ей даже было удобно подъехать к его офису.

Увидев, как она входит в кафе, он встал ей навстречу, потом поцеловал протянутую ему руку. А потом приобнял. И смутился. И она тоже. Он сам не понял этого порыва – все случилось так неожиданно, что он не успел себя остановить. Он совершил глупость, а Таня стала тихой. Он кое-как с собой справился и спросил, как идут дела. Пока она подробно отчитывалась, он смог отдышаться. А потом он спросил, откуда она приехала (акцент выдавал ее с первой минуты), сколько лет она здесь и что делает. Она рассказывала и улыбалась. Нежно и беспомощно. И понеслось. Ветер свистел в ушах, в голове снова была чистота и тишина. Что-то говорил он, потом она. Оба смеялись. Когда прозвенело напоминание о следующей встрече, он вскочил как ужаленный и на бегу спросил, когда сможет снова увидеть ее. Глядя ему в глаза, она сказала: «Всегда». И ушла.

Он улыбался. Непрерывно. Не мог спрятать эту счастливую улыбку. Мир стал цветным.

Таня

В 1988-м она перешла на второй курс матмеха и уже немного освоилась в университете. Коридоры не были чужими и длинными, и в столовой всегда было с кем пообедать. Но чаще и чаще во время обедов всплывала тема отъезда. Вроде бы еще никто не уезжал сам, но у каждого были друзья, подавшие документы на выезд. А потом кто-то получил разрешение. Почти физическим стало ощущение, что можно успеть выскочить. Что не посадят на десять лет в отказ. Но надо спешить, потому что дверца может снова захлопнуться. Среди ее друзей половина с нетерпением ждала вызова, другие, уже подавшие документы, ожидали разрешения на выезд. И только некоторые искали веские причины, чтобы никуда не уезжать. Раз в неделю ходили отправлять чей-нибудь багаж и прощаться навсегда. Таня слушала ночные разговоры в общаге о готовящемся восстании казахов, о массовом возвращении немцев, о евреях, которые торопились купить билеты в Вену, чтобы потом полететь в Штаты. Все бурлило, и все спешили. Были слухи, что Штаты вот-вот закроют и можно будет только в Израиль. Стали приходиться первые письма, и у Израиля появилось лицо. Потом позвонила ее подружка из Москвы – она получила разрешение. Надо было успеть повидаться, попрощаться – через три месяца Лина уезжала в Штаты.

Она купила билеты в Москву сразу после зимней сессии. Там она неделю помогала Лине раздавать вещи, что-то покупать, завершать дела. А сама не могла усмирить бушующий внутри огонь – она уже тоже была в пути. Надо было получить вызов, надо было уговорить родителей. Потом она попрощалась с Линой (может быть, даже навсегда) и вернулась в Свердловск (город еще не переименовали) с твердым решением уехать, как можно скорее.

Мама категорически отказалась дать разрешение на выезд. Ни слезы, ни крики, ни угрозы не помогали. Мама стояла, как триста спартанцев. По ее мнению, девочка из хорошей семьи не может ехать одна в чужую страну. Папа, уже давно живущий с новой семьей, неожиданно легко согласился, поцеловал, прижал, вздохнул и пожелал удачи. А потом добавил, что, скорее всего, они скоро встретятся там, потому что сами подумывают об отъезде. Мама не поддавалась. И тогда на проводах очередной семьи, выпив для храбрости спирта, настоящего на анисе, она спросила малознакомого пухлого Славика, не может ли он на ней жениться. Славик был милым математическим гением на последнем курсе университета. Его ждала аспирантура или блистательная академическая карьера в любой другой стране, он уже проверил это. Женитьба представлялась ему прекрасным способом помочь еще одному человеку свалить из СССР. Так случилась быстрая свадьба. Мама страшно злилась, а родители Славика (несмотря на то что знали причину происходящего) вдруг прониклись к Тане большой симпатией, поднимали тосты за то, чтобы брак оказался удачным, и желали им долгих лет вместе.

Неделя в Москве – получение виз, подтверждение багажа в «Малев» (венгерская авиакомпания, рейсом которой они летели в Будапешт). Приехали ее родители – попрощаться. И там, в аэропорту, когда она смотрела на них, снова стоящих рядом, ей стало страшно. Это были последние минуты детства, когда родители еще близко и даже вместе. Когда можно коснуться их, спрятаться головой в мамино воротнике из чернобурки и поверить папе, что он никому не позволит обидеть ее. Через три часа детство кончилось. Она помахала родителям рукой. Может быть, она никогда больше их не увидит, не поцелует и не вспомнит запах папиного одеколona.

В аэропорту Будапешта большая часть летевших пересела на рейс в Вену (это была дорога в Штаты – через лагерь беженцев в Италии), а они со Славиком и еще четыре бухарские семьи получили немного денег и были увезены на турбазу под Будапештом. Там три дня ждали, когда

«Сохнут»³ наберет людей на самолет в Израиль. На турбазе она впервые встретилась с бухарскими и горскими евреями – чужими, крикливыми, непохожими на тех, кого она знала в Свердловске. Там, в Венгрии, на перелете из одной жизни в другую, ей исполнилось девятнадцать лет и наступило полное одиночество. Она поняла, что в новой жизни, кроме пухлого Славика, у нее никого нет. И их фиктивный брак как-то неожиданно превратился в обычную студенческую семью, со взаимной симпатией, хотя без любви и страсти.

Через три дня они приземлились в Израиле, сняли квартиру в Холоне (рядом с его бывшими однокурсниками) и начали учить иврит. Сначала солнце и пальмы сделали ее дни покурортному сказочными. Ночами они ходили на море, появились первые знакомые – такие же молодые семьи, как и они, некоторые даже с детьми.

А через три месяца Славика приняли на докторат в Беэр-Шеву – он переехал в общежитие и вычеркнул себя из эмигрантской жизни. Она еще оставалась в их квартире в Холоне, чтобы закончить ульпан и понять, что делать дальше. Она устроилась работать в кондитерскую и параллельно училась в продвинутом ульпане для тех, кто собирался продолжать образование в университетах. Вокруг крутились религиозные семьи, которые приглашали ее на субботу в Кирьят-Арба⁴ и в Бней-Ацмон⁵. Все было ново, неожиданно, ей казалось, что ей рады. В Кирьят-Арба она встретила приятельницу Лииной мамы из Бостона. Она рассказала, что Лина учится в колледже на бухгалтера, ее мама работает помощником стоматолога. Что все у них налаживается, что она и представить себе не могла, как мал мир – приехать на свадьбу сына в Кирьят-Арба (нет лучшего способа досадить маме, чем стать религиозным и из Бостона переехать на территории⁶ в Израиль) и познакомиться с подругой своих близких друзей. Таня захотела к Лине, к ее маме, к кому-нибудь близкому, кто мог бы развеять ее страх перед этой чужой страной и жизнью, к тем, чья любовь согревала ее. Чтобы ее гладили по голове и поили чаем, как в детстве. Религиозные ребята вещали о важности соблюдения субботы, кашрута⁷ и прочей ерунды. Ничего соблюдать она не собиралась и вообще перестала понимать, зачем она это все затеяла. Вернувшись после этой поездки, она свернулась клубочком и начала плакать. Потом уснула. Когда проснулась, продолжила плакать. Она не плакала, только когда спала. И спала три дня подряд.

На выходные приехал Славик. Вытер ей слезы и спросил, что она собирается делать. Сказал, что она должна учиться, и попросил, чтобы она сообщила ему в течение месяца, собирается ли она приехать к нему в Беэр-Шеву (он мог попросить в общежитии комнату для семьи). Или, если она захочет, они могут подать на развод. Она погладила ему вещи, приготовила с собой коробочки с едой, пообещала приехать на следующие выходные, чтобы посмотреть, как он живет. И снова осталась одна.

На следующий день в кафе к ней подошел их постоянный клиент, эффектный черноволосый мужчина лет пятидесяти, и сказал, что он хочет предложить ей интересную и более высокооплачиваемую работу. В восемь вечера, после закрытия кафе, он повез ее в Тель-Авив. Вечерний Тель-Авив был ярким и прекрасным, как благородный попугай. Он окутывал тайной и обещал какие-то невиданные приключения. Он казался городом мечты, энергия которого моментально растекалась по ее венам. В кафе на набережной черноволосый мужчина долго говорил, какая она чудесная и интеллигентная, как мило улыбается и ласково смотрит, какой замечательный

³ Еврейское агентство «Сохнут» отвечало за организацию переезда евреев из разных стран, в том числе из СССР, в Израиль.

⁴ Еврейское поселение на территориях около Хеврона.

⁵ Еврейское сельскохозяйственное поселение в секторе Газа.

⁶ Речь идет о территориях, которые изначально не были определены, как израильские (по решению резолюции ООН, 1947). Они были присоединены после войн и их юридический статус до сих пор остается спорным.

⁷ Термин в иудаизме, означающий дозволенность и пригодность чего-либо с точки зрения религиозного закона.

у нее английский (спасибо спецшколе номер тринадцать, с учителями-шанхайцами⁸). А потом предложил ей сопровождать его бизнес-партнеров, которые приезжают к нему из других стран. Ну, чтобы им не было одиноко по вечерам. Она сначала не поняла, о чем идет речь. Он как-то сбивчиво стал говорить общие слова: у него много клиентов и партнеров, он не может каждый вечер уходить из дома, а для бизнеса важно не оставлять их одних. И только когда она спросила, правильно ли она понимает, что он предлагает ей стать шлюхой, он, покраснев, пробормотал, что это называется «бизнес-сопровождение». Она сказала – об этом не может быть и речи. И на замечательном английском (а до этого разговор шел на иврите, она использовала любую возможность потренировать иврит) попросила немедленно отвезти ее домой. В дороге, неожиданно потеряв голову, он умолял ее забыть о дурацком предложении, говорил, как сильно она ему нравится и приглашал завтра поужинать с ним. Она сообщила, что замужем, что уезжает в Беэр-Шеву заканчивать первую степень по математике, и попросила больше ее не беспокоить.

Так снова началась семейная жизнь. Беэр-Шева была ужасной. Каменные блоки в пустыне. Какие-то люди в мятых футболках. Жара и отсутствие зелени. Она зашла в маленький магазинчик, и его хозяин легко ущипнул ее за щеку, поцеловал свои пальцы, которые дотрагивались до нее, и сообщил всем, что она сладкая. После этого в магазин ходил только Славик.

⁸ Здесь: шанхайцы – евреи, которым было позволено вернуться из Шанхая, куда они бежали во время революции, их не пустили на европейскую часть СССР, и поэтому большая их часть остановилась на Урале. Многие из них учились в лучших университетах мира и владели английским языком на уровне родного. Они и преподавали английский язык и литературу в специальных английских школах.

Давид

На встрече он не слышал, что ему говорят. Хорошо, что с ним была девочка-стажерка – умная и аккуратная, она все записывала и запоминала. Под вечер —когда все разошлись, а он разбирался с мейлами, сообщениями, срочными делами – он вдруг отвлекся, вспомнив свое волнение, когда Таня вошла в кафе. Через час, вынырнув из какого-то другого измерения, он решил ей позвонить. Почти набрал ее номер и испугался. Что он помешает, и она не будет ему рада. Что очарование пройдет. Что эта минута предвкушения сменится большими проблемами и суетой. Зачем это ему? Все уже успокоилось. Уже отболело. Отхотелось. Он смотрел на экран своего телефона, а когда раздался первый гудок, испуганно нажал на красный кружок. И вдруг понял, что от его уверенности в себе не осталось и следа. Он снова стал мальчиком, который показывал свои картины взрослому художнику и мучительно ждал каких-то важных слов. Телефон зазвонил.

– Ты мне звонил? – спросила Таня.

– Да, да, я только хотел... тебя поблагодарить.

– За что?

– За кофе, я давно не пил такой вкусный кофе.

– Я тоже была рада встрече с тобой.

И его напряжение прошло. Одна фраза – и больше не надо было придумывать, что сказать.

– Таня, я хочу тебя видеть. Когда ты можешь?

– Через час, – сказала Таня. – Я обещала подъехать на открытие выставки в южном Тель-Авиве. Через час пятнадцать.

Она совсем не играла. Боже мой, откуда взялась эта женщина?

– Я приеду, дай мне адрес.

Когда закончился разговор, он заметался по офису. Нужно было заскочить домой, поменять рубашку, принять душ, что-то придумать для Галит. Да, не забыть бумаги, над которыми придется посидеть ночью, к утреннему заседанию. Он уже выскакивал из офиса, когда Галит попросила проехать через аптеку и купить ей оптальгин⁹. Внутри включился счетчик. Счетчик, отсчитывающий каждую секунду. Красный свет на светофоре горел особенно долго, в аптеке очередь еле двигалась. Влетев домой как ураган, он сообщил, что должен срочно ехать на встречу – речь идет об очень важном клиенте. Галит слабым голосом попросила принести ей таблетки и сделать чай. Он носился по дому, делая ей чай, наливая воду в стакан. Кошка с любопытством смотрела на него. Сначала она ждала, что он подойдет погладить ее, как делал каждый вечер. Потом она стала ходить за ним. И только уже застегивая свежую рубашку, он обратил внимание на ее разочарованную морду, почесал за ухом и пообещал все рассказать потом. Галит спросила, когда он вернется. – «Поздно, не жди меня». – Как будто она когда-нибудь ждала его.

Пробок не было. Он мчался по пустому шоссе. Рядом, около старой автобусной станции, гудела ночная жизнь южного Тель-Авива. Какие-то маленькие обшарпанные галереи, только что открытые бары, кафе с органической едой. Странная публика обитала в этих местах: киношники, студенты богемных факультетов, интеллигентные компании разного возраста, наркоманы, алкоголики, иностранные рабочие и нелегалы. Адвокаты его уровня здесь не водились, ну, разумеется, в те редкие часы, когда не работали. Галит с подружками тоже обычно сидела в северном Тель-Авиве. Впрочем, у него понятия не было, где она бывала. Здесь другая жизнь, другие лица, запахи. Если бы он стал художником, наверно, это была бы его среда. Еще

⁹ Оптальгин – таблетки от головной боли.

раз подумал о том, зачем он это все затеял. Все это чужое. Из другой жизни. Жизни, о которой он когда-то мечтал и которой у него не случилось. У нее чудесная улыбка. Он выпьет с ней бокал вина, скажет пару комплиментов и, сославшись на утреннее заседание, уедет домой. И он успокоился.

Ему удалось найти парковку вблизи галереи. Где же Таня? Она опаздывает? А может быть, что-то случилось, и она не придет. Он смотрел на каждую приближающуюся женщину. Они были странно одеты. Не так, как те, с которыми он сталкивался в последние годы. Это была другая среда. Другая страна. Где же она?

Он увидел ее издали. Рваные джинсы, кеды, дорогая бижутерия. Почему именно она? Рядом было столько... таких же, как он. Как Галит, совсем понятных. Когда она помахала ему рукой, он перестал думать обо всем. Даже о том, как оправдывается дома, если вдруг станет известно, что он был на открытии этой дикой выставки. Какой-то грязный подвал со странными картинами, молодежь то ли обкуренная, то ли плохо помытая. Смотреть не на что. Он когда-то рисовал гораздо лучше, и даже тогда его сильно критиковали. Техники нет совсем. Одно сплошное самовыражение. Таня с кем-то здоровалась, обнималась. А через двадцать минут сказала ему, что она все закончила и они могут идти.

– Куда ты хочешь идти? – спросил он ее, надеясь услышать, что ей надо домой.

Она задумалась и посмотрела на часы. Теперь он испугался, что она уедет.

– Иди за мной.

Она взяла его за руку. Они свернули за угол, прошли между домами и вышли прямо к кафе в садике. Несколько столиков, на каждом стояла свечка, и все мерцало красно-желтыми огоньками. Она выбрала место в углу и заказала бокал вина. Он тоже.

– Где мы были и зачем? – имея в виду выставку, спросил он.

– Мой бывший одноклассник – художник, много лет преподает рисунок. Это выставка его учеников. Он очень просил, чтобы я пришла. Помнишь бородатого мужчину, с которым я тебя знакомила?

Он не помнил: ни мужчину, ни картины – ничего. Только ее, которая кружила по подвалу. Теперь она не моргая смотрела ему в глаза. Он спросил, много ли здесь ее одноклассников (не решаясь спросить, сколько ей лет).

– Пятеро, – ответила Таня. – И еще человек шесть рассеяно по всему миру. В Лондоне, Бостоне, Лос-Анджелесе, Новой Зеландии и Австралии. Не патриотичная была школа.

– Сколько лет ты здесь?

– Двадцать три. Больше, чем я прожила там. Расскажи мне о себе.

– Что? У меня все просто. Когда-то давно я закончил юридический и экономический факультеты. А потом только работал. Раньше я еще рисовал. Seriously. Собирался стать художником. Но, наверно, испугался. Сегодня уже не жалею. Хотя много лет прокручивал свою другую, возможную жизнь, если бы я все-таки стал художником. Все было бы не так.

– Я тоже лет так пятнадцать думала про то, как бы все сложилось, если бы я тогда не уехала из России.

– Ты сожалеешь?

– Наверно, уже нет. Но много лет меня этот вопрос сильно занимал. Особенно когда было плохо.

– Тебе было плохо?

– Да. Лет десять полного ужаса. Расскажи еще.

– У меня два сына. Взрослые. Кошка. Уже совсем старая. Больше рассказывать нечего. Я весьма успешный адвокат... Я женат. Ты допила?

– Да. Тебе надо идти?

Это была возможность попрощаться. Сказать, что много работы, что рано утром важное заседание. Что было очень приятно, несмотря на выставку. Надо было уносить ноги.

– Нет, я никуда не спешу. Пойдем погуляем, я сижу целые дни напролет.

Они побрели по улицам, где грязь и бедность соседствовали с дорогими бутиками израильских модельеров. Где отреставрированные здания Баухауса¹⁰ красовались рядом с запущенными, дешевыми постройками пятидесятых годов. Южный Тель-Авив – остаток уходящего мира. Таниных первых лет в Израиле, когда еду покупали на рынке у выходцев из далеких стран. Которые гладили по голове, кормили вкусным супом из хвоста, предлагали неизвестные пряности и объясняли, как их использовать, отчаянно торговались и обманывали. Ее щемящая тоска по так быстро промелькнувшим годам, когда все здесь казалось временным и экзотическим. Когда она просыпалась с ожиданием счастья, которое непременно должно было наступить. Не наступило.

Они шли рядом, иногда соприкасаясь руками, плечами. Все было для него неожиданно, ново. Как будто нет за плечами шестидесяти прожитых лет. Он совершенно не знал, что дальше. Чего он хочет – дальше? Отреставрированные улицы закончились, справа от них – садик, где можно присесть на скамейку. Алкоголики как раз допивали бутылку дешевой водки. Но Таня и Давид прошли мимо. Она споткнулась, и, чтобы поддержать, он обхватил ее плечи, а потом прижал к себе, а прижав, поцеловал. А когда поцеловал, то уже не смог отпустить. Они стояли около будки, стилизованной под афишную тумбу начала 20 века. Ее губы еще сохраняли вкус вина. Лицо было прохладное и очень гладкое.

– Господи, что мы будем делать? – беспомощно спросил он.

– Поехали на море, в Яффо, посидим на берегу.

Они сели в его машину и в полном молчании доехали до Яффского порта. Кроме них, там практически никого не было. Арабские рыбаки, пара случайных машин с такими же неприкажными, как и они. Он вышел из машины и удивился, что пахло морем. Он уже не помнил, когда последний раз гулял по берегу ночью. Вся жизнь давно была расписана по часам. Таня прикурила тонкую ментоловую сигарету. Он спросил, почему она не спешит.

– У меня сегодня ночует мама, она уложит детей.

– А муж? Где твой муж?

– В Лондоне, на конференции.

– Сколько им лет?

– Шесть и восемь, мальчики.

– Здесь прохладно, – сказал он и обнял ее плечи. – Как мне хорошо с тобой, —неожиданно сказал он.

– И мне.

Потом, замерзшие, они целовались на заднем сиденье машины.

– Я не понимаю, за что ты мне.

Она улыбалась, целовала его глаза. Он гладил ее волосы, вдыхал духи, и нежность, которую он не знал, как выразить, камнем давила на грудь.

– Мне кажется, я задохнусь.

– Ты просто забыл, как дышать.

– Что ты сказала?

– Я не помню. Я хочу свернуться кошкой у тебя коленях. Чтобы ты изредка гладил меня. Но тебе, уже, пора. Час ночи, и тебя, наверно, потеряли.

Он вел машину по ночному городу, прилагая невероятные усилия, чтобы не смотреть на нее. Смесь ужаса и восторга – вот что он чувствовал. Потом она прижалась щекой к его плечу, поцеловала его ладонь и вышла из машины. Он говорил, что не может представить себе, что не увидит ее до утра. Она еще раз помахала ему, завела свою машину и тронулась с места.

¹⁰ Баухаус – направление в европейской архитектуре и дизайне начала XX века, представлено в многочисленных постройках тридцатых годов в Израиле. Стиль был привезен сюда немецкими евреями в тридцатых годах двадцатого века

Он минут десять ехал за ней, пока не настало время сворачивать к дому. Он помнил запах моря, вкус вина на ее губах. Ее гладкую кожу, улыбку и взгляд, который она никогда не отводила. Серьезный, тяжелый, совсем не подходящий для ее детского лица. У дома он понял, что уже сто лет не видел ночь. С круглой холодной луной. Ночь, внутри которой была тайна. И счастье. Совершенно забытое.

Галит

У нее раскалывалась голова. Такой мигрени не было много лет. Она даже приняла таблетку, несмотря на то что последние двадцать лет лечилась только гомеопатическими средствами. Казалось, сейчас случится инсульт, и что-то разорвется внутри. Даже голову повернуть было страшно. Рядом легла кошка и громко заурчала. Когда через пару часов она пришла в себя, ей захотелось принять душ. Она направила горячую струю прямо в ту точку, где пульсировала боль. Тело привыкло к кипятку. Пар размыл очертания предметов. Все стало неопределенным, серо-белым, вязким. Боль и страх вдруг сделали все неважным. Этот дом в богатом районе, поездки, бриллианты. Где, кстати, Давид? Она вспомнила, как трудно было ей привыкнуть к его бесконечным рабочим часам в те годы, когда они еще любили друг друга. Когда хотелось ужинать вместе с ним, разговаривать по вечерам, слушать, как прошел его день. Планировать отпуск. Рассказывать, о чем она думала. Хотелось смотреть, как он рисует. Как смешно морщит нос. Вдыхать запах красок. Всегда быть рядом.

Он решил построить дом и студию, чтобы можно было работать по выходным. И да, конечно, клинику для нее. Так замечательно было начинать совместные проекты. Но строительство превратилось в денежную воронку. Оно поглощало все деньги, и Давид стал работать гораздо больше и уже не рисовал по выходным. Она делала стаж в психиатрической больнице. Денег мало, нервов много. У нее развилась бесконечная аллергия на нервной почве, даже дошло до экземы. Тогда она приняла решение никогда не работать с по-настоящему тяжелыми пациентами, а принимать только умных, образованных и вербальных. После окончания стажировки, она довольно быстро получила лицензию и забеременела, через два месяца после того, как перестала принимать таблетки, – они почему-то считали, что это займет год. Пришлось сделать перепланировку – большую и светлую комнату, где раньше должна была быть его студия, превратили в детскую. В другом конце дома – ее клиника, для удобства, чтобы пациенты не сталкивались с малышом. Ну и небольшую пристройку в саду отвели под студию Давида. Пока Матан был маленький, она решила принимать пациентов дома. Но все равно это было неудобно: Матан мешал, рвался к ней и скандалил, пациенты нервничали, слыша детские крики, а она не могла сосредоточиться. Через два года родился второй сын – Итай. Еще через несколько лет, они расплатились со срочными долгами. Она начала работать в психологической службе в университете, стала супервайзером, ходила на многочисленные курсы повышения квалификации. Воспитывала мальчиков. И могла сократить количество работы, потому что Давид стал успешным и высокооплачиваемым, и как-то выпал из поля ее зрения. Семейой они каждое лето ездили за границу. Ей казалось – все прекрасно. Она снова похудела, снова получала комплименты, дорого одевалась и покупала украшения. Давид зарабатывал все больше и больше. Они разговаривали друг с другом все меньше и меньше. Но она не сразу обратила на это внимание. А через несколько лет во время пасхальной приборки перед первым Седером¹¹ у них дома (раньше это было у родителей Давида, но они уже постарели) она нашла его кисти, краски, какие-то наброски и поняла, что он уже давно не рисует. И у них больше нет общих проектов.

Боль отошла. Почему вдруг она вспомнила все это? Кстати, где он? Набрала его номер, и он сказал, что уже в пяти минутах от дома. Как ее голова?

– Лучше, – сказала она.

Когда он вошел в дом, ей показалось – что-то не так. Он старался скрыть радость? Он почти светился.

– Как прошла встреча?

¹¹ Ритуальная семейная трапеза, которая проводится в начале праздника Песах.

- Отлично.
- Ты их возьмешь?
- Если они возьмут меня.

И Давид прошел мимо нее в ванную комнату. Странный, слишком сильный аромат духов. Она не помнила, чтобы он так сильно душился.

- Чем ты душился сегодня?
- «Исси Мияки». А что?
- Очень резко.
- У тебя просто болит голова. Я в душ.
- Я пойду лягу.
- Мне нужно поработать.

Она слышала, как он наливал себе виски. Как включил свет в кабинете. Она задремала. А проснувшись через пару часов, поняла, что он еще работает. Она медленно встала, помотала головой – все прошло. Вышла из спальни. Давида в кабинете не было. Она нашла его в саду с виски и сигарой. Удивленно подняла брови. «Я думаю, – ответил он, – не мешай мне».

И она ушла спать в одиночестве.

Таня

Как приятно вернуться ночью домой, когда дети спят, а муж в командировке – можно тихо посидеть одной. Раньше она ставила музыку для настроения, но сегодня возможность помолчать была лучше музыки.

Неожиданно вышла мама – в элегантном берете и шарфике, игриво повязанном на халат. – «Мама, почему ты так одета?» – И мама стала объяснять, что у нее всегда мерзнет голова, а у Тельцов все болезни начинаются с горла, и поэтому – шарфик. А потом подробно рассказывала, что говорили дети перед сном. И как младший на нее серьезно посмотрел с не по годам развитым выражением лица. И всякую прочую ерунду. Она поняла, что если не остановить этот поток, то мама просто проглотит ее вечер, заполнив его своими эмоциями. – «Дай мне побыть одной, пожалуйста». – Мама трагически поджала губы и скорбно заметила, что ей и поговорить-то не с кем. Она улыбнулась и напомнила ей, что стоит только накрасить губы и удивленно раскрыть огромные серые глаза, рядом с ней сразу появится очередной поклонник, который будет радостно аплодировать ее представлению. Мама довольная ушла к себе.

Она затихла. Боже мой, что это было? Внутри бушевал девятибалльный шторм. Потрясение, страх. А потом вдруг знание (откуда оно взялось...), что это тот, который должен был прийти. И еще – покой. Когда встречаешь свою судьбу, наступает покой. Можно уже не суетиться, не выбирать – вот она пришла. Он.

Всю жизнь были сомнения и компромиссы. В 1991-м она решила доучиться (это заняло еще три года) и получить первую степень по математике. Она переехала к Славе в Беер Шеву – им дали комнату для семейных докторантов. Странный у них был брак – случайный, но при этом они оставались вместе. Слава все время работал и только усилием воли заставлял себя соблюдать субботу (чтобы обозначить границу времени), хотя религиозным не стал. Ритуалы играли вспомогательную роль для разделения будней и праздников, дней и ночей, чтобы окончательно не сойти с ума. Статьи, исследования, конференции поглотили его полностью. Ему пророчили блестящую карьеру, и он собирался на постдок в Штаты. Она учила иврит, работала в университетской библиотеке, официанткой в кафе, слушала лекции. По сравнению с другими только что приехавшими студентами, была неплохо устроена: гениальный муж, небольшие заработки его и ее, которые освобождали от голода, даже появились друзья. Только неясно, для чего она во все это ввязалась. Через два года Славик уехал в Америку. Она решила остаться на год в Беер Шеве и закончить степень. Прошло четыре года с тех пор, как она приехала в Израиль. Приехал отец с семьей, у нее сложились неплохие отношения с его новой женой и ее детьми, но душевности в их общении не было. Навещала мама. Все оказалось не так страшно. Граница не закрылась намертво, и можно было ездить туда-сюда, если позволяли средства. Как-то случайно она попала в группу студентов, которые ездили от «Сохнута» проводить семинары с еврейской молодежью в странах бывшего СССР. Это была прекрасная тусовка, ее первые настоящие друзья – их объединяли не отсутствие денег и необходимость как-то выживать, а общие интересы и тепло, которым они делились друг с другом. Даже сегодня, двадцать лет спустя, они перезванивались, пили вместе кофе и всегда были готовы прийти на помощь. Когда она первый раз приехала в Екатеринбург (город переименовали), она вдруг отчетливо поняла, что в этом новом мире ей места больше нет. За время отсутствия развалился СССР, упал рубль, многие друзья и знакомые уехали. Мама заняла ее комнату. Все было таким родным, таким близким – и закрытым от нее. А ведь перед поездкой она даже думала иногда о том, чтобы остаться там. Наверно, ей было не очень хорошо в Беэр-Шеве, на фоне песков, бедуинов и экзистенциальной бессмысленности существования. Но в эту новую жизнь войти не получилось так же, как и в израильскую. Неужели всегда придется чувствовать себя чужой? Она про-

вела в России месяц, любуясь на расцветшую сирень и допоздна валяясь в кровати. Спешить было некуда. Ничего здесь она уже не могла пропустить. Ее мир кончился, и надо было возвращаться – заканчивать степень, устраиваться на работу, наверно, разводиться со Славиком. Надо было начинать жить.

Почему вдруг сейчас она это все вспомнила? Сейчас, когда она снова чувствовала себя счастливой. Она зашла в комнаты сыновей: старший запутался в одеяле, а из-под подушки торчали ружья, приклады и патронная лента. Младший был так обложен собачками, пандами, свинками, мишками, обезьянками, что не мог дышать. Она вдруг подумала, что может родить еще одного ребенка. И снова на несколько лет заполнить свою жизнь чем-то осмысленным. Тем более что мальчики просили еще братика и даже ничего не имели против сестренки. Обычные израильские дети, привычные к большим шумным семьям. Милые. Как получилось, что Славик стал их папой, что она с ним так и не рассталась, и что их случайный брак протянул столько лет? Ее подруги, вышедшие замуж по большой любви, уже разводились по второму разу, а они со Славиком по-прежнему существовали параллельно, даже не ругаясь друг с другом. Насмешка судьбы.

Галит

Утро было прекрасным. Голова не болела. Она собиралась в бассейн. Потом педикюр, потом кофе с сестрой. И только вечером на три часа надо появиться в офисе психологической службы для студентов. Она любила такие тихие утренние часы, когда можно почитать, помолчать, подумать. В бассейне людей было мало, чувствовался приближающийся Песах, и все были уже в дороге. Она плыла свой километр с наслаждением и думала, что почти научилась так жить – размеренно и вкусно. Что-то ушло – страсть, но даже то, что осталось, совсем не плохо. Карьера ее вполне удовлетворяла, а особенно то, что больше не надо стремиться заработать все возможные деньги. Ее муж очень успешен. Долгов у них нет. Дети здоровы и без особых проблем. На нее по-прежнему обращали внимание, и она сама себе нравилась. Потом, загорая (пятнадцать минут на спине и пятнадцать минут на животе), она впитывала в себя солнечную энергию, медитировала на солнце, мысленно настраиваясь на новый прекрасный день. Дома немного подкрасилась, намеренно небрежно оделась и поехала на встречу с сестрой.

Это уже многолетняя традиция: каждый четверг они пьют кофе с Вардой. Она старше Галит на три года, и они душевно близки с детства. К счастью, жизнь сложилась так, что они оставались рядом на протяжении всех этих лет. Старший сын Варды был на постдокторате по физике в Институте Макса Планка, средняя дочь училась медицине в Италии, а младшая должна была пойти в армию. Муж – врач. Дом немного опустел, но дети приезжали на праздники, и Варда раза четыре в год летала к ним. Галит вдруг напряглась от всей этой устроенности. Северный Тель-Авив, отличный кофе, уютные дома, благополучные дети... Хамса, хамса, хамса¹². Сейчас они договаривались, кто что готовит на Песах, Седер – по традиции – в ее доме. В этом году их соберется не так много, как раньше – должна прийти Анат (сестра Давида) с семьей (две девочки и муж), брат мужа Варды с тремя детьми и подругой (он развелся четыре года тому назад). Раньше его бывшая жена тоже приходила с ними на Седер, и только в этом году она уехала со своим новым другом к его семье в Париж. Их связывала целая жизнь. Годы, когда рождались дети, потом череда непрерывных празднований бар- и бат-мицв, семейных праздников, похорон, скоро пойдут свадьбы и рождение внуков. В общем-то, не очень большой, но вполне сплоченный клан.

Где же ловушка? Так хорошо не бывает.

Она обсудила с Вардой новые средства от морщин. Варда вдруг сказала, что за последний год стала чувствовать себя невидимой, нет, не невидимой, а просто выпавшей из круга тех, с кем кокетничают. Она как бы уже не считается. Вокруг всегда есть более молодые женщины, на которых обращают внимание. С ней любезны, уважительны, почтительны, но больше не флиртуют. Неужели это начало нового периода – лишённого гендерной принадлежности? И погрустнела. И у нее, Галит, перед глазами промелькнуло Вардино лицо, такое, каким оно станет еще лет через десять. Импульсивно она стала убеждать Варду, что она по-прежнему привлекательна. Что теперь живут долго, и у Варды еще будут поклонники. Но притихшая сестра остановила ее. Она рада, что с Галит этого не произошло, что эта участь ее миновала. Но на свой счет у нее иллюзий больше нет. Что-то закончилось. Конечно, будет еще много радости. Даст Бог, появятся внуки. Но ей кажется, что для нее что-то безвозвратно потеряно. Варда попрощалась и ушла.

Галит не могла точно определить, что чувствовала в эти минуты. Хотелось оградить Варду от разочарования, хотелось немедленно доказать, что Варда ошибается. Хотелось самой удостовериться, что она еще существует в мире «мужчин и женщин» и по-прежнему привлекательна. Она широко улыбнулась официанту, оставила щедрые чаевые, получила от него вос-

¹² Хамса – символ ладони, слово употребляется от сглаза, примерно, как «тьфу, тьфу, тьфу»

торженный взгляд и уехала домой, чтобы склеить невидимые трещины, которые проступили на фоне ее красивого дня.

Давид

Он был нетерпелив. Носился по офису, разбрасывая идеи. Звонил клиентам, давал указания стажерам и Мейрав. На заседании был точен и харизматичен, отметил места, где защита неубедительна. Играл словами, острил. Был шумным, веселым. Все схватывал на лету. Потребовал сделать дополнительные расчеты. Он не ощущал, что спал всего три часа. Вокруг него все завивалось в безумную воронку счастья. Едва не каждую минуту собирался позвонить Тане, но рядом всегда находился кто-то еще. Ему казалось, что вот полчаса – и все уйдут. Он беспричинно улыбался, был всем доволен.

На обед пришлось пойти с умненькой девочкой-стажеркой Михаль – у нее возникли какие-то вопросы. Потом Мейрав докладывала о состоянии дел и счетов. Потом бесконечные телефонные разговоры: клиенты, коллеги, бухгалтер. Когда он понял, что день пройдет, а он так и не найдет времени поговорить с Таней, выскочил на улицу и набрал ее номер.

Гудок, еще гудок, еще... Почему она не отвечает? Он почти бежал по бульвару около офиса. Он сделал что-то не так, и она больше не ответит ему? Надо было позвонить с утра? Не надо было так быстро уезжать вчера? Не надо было целовать ее? Он еще какое-то время бежал, а потом сдулся, как воздушный шарик.

Медленно дошел до киоска и купил мороженое, диетическую колу и упаковку орехов в шоколаде. Это были запрещенные продукты. Он позволял их себе только в состоянии сильного стресса. Когда чувствовал, что может не выиграть в суде, или если очень сильно ругался с детьми. Хотел набрать ее номер еще раз. Но она же видела, что он звонил. Или увидит. Захочет – перезвонит. Не будет же он названивать, как мальчишка. И нажал на повторный набор.

Ответа не было. Он доел мороженое и зашел в лифт. Пока поднимался на свой этаж, открыл пакетик с орехами. Пожалел, что мало купил. Надо попросить Мейрав, чтобы перед уходом купила еще. Закрылся у себя, попросил его не беспокоить и даже звонки не переводить.

Больше не хотелось ничего. Он смотрел на экран компьютера. «Как мне хорошо с тобой» – звучало в голове. Неужели это все? Вот так все закончится? И правда, зачем ей женатый пожилой адвокат? А он будет по минутам перебирать этот вечер. Жалея о каждом неправильном слове, о каждом несказанном. Ушла домой Мейрав. Потом ушла девочка-стажерка. Он остался в пустом офисе один. И эти часы, которые он так любил, сегодня не радовали его. Тишина. Снова остро и больно. Можно поехать домой, но там Галит будет о чем-нибудь рассказывать. Хотя нет, сегодня она допоздна на работе. Он собрал документы, которые надо просмотреть. Когда его жизнь превратилась в кипу листов? Он все это любил. Это сделало его видимым, успешным, уверенным в себе.

Интересно, какова цена, которую он заплатил?

Дома кошка терлась о его ноги, заглядывала в глаза, норовила прилечь к нему на грудь и уткнуться носом в шею. Нет, на сегодня хватит работы. Он тоже имеет право заболеть или передохнуть. Горячий душ принес облегчение. Что ж, это не первый раз. Годы научили его, что не все идет так, как хочется. Надо отвлечься на что-то другое, переключиться. Сейчас он выйдет, посидит немного во дворе и рано ляжет спать. А завтра все вернется на круги своя.

Как хорошо, что так много работы. Он скис, но это усталость. Он ведь почти не спал прошлой ночью. И он вспомнил вкус Таниных губ, вкус вина и ментоловых сигарет. И сердце снова запрыгало теннисным мячиком. Да, он обрадовался, как щенок, которого повели гулять в незнакомый парк: с новыми запахами и другими собаками. Ладно, надо успокоиться и постараться заснуть.

Таня

С утра день сложился неправильно. Она только отвезла детей в школу, как ей позвонили и сказали, что мама упала на улице и сломала руку. А потом больница, гипс, выписка – ничего страшного, но полдня прошло незаметно. Потом надо было закончить перевод патента. Уже лет пятнадцать она занималась переводом научных статей (русский – английский, в обе стороны), патентов и всякой другой математической литературы.

После университета ей пришлось пару лет проработать в школе – она предпочла забыть эти годы. Дети были бешеные и плохо воспитанные, учиться не умели и не хотели. Родители были агрессивны, ненамного умнее своих отпрысков, неприятные, все время обвиняли ее в непонимании, строгости, в желании привнести в израильские школы нормы тяжелого русского образования. Смеялись над ее акцентом, над ошибками, над тем, что когда она нервничала, то не могла вспомнить нужные слова. Говорили – здесь не Россия, и ее требования не пройдут. Она плакала по ночам, но приходилось продолжать. Через два года появились первые частные ученики. Математику, к счастью, надо было сдавать на аттестат зрелости, и агрессивные родители умоляли взять их детей на репетиторство. Она с облегчением уволилась из школы. А потом вспахивала поле математических знаний. Каждый день минимум по шесть часов, ближе к экзаменам доходило и до десяти. Без выходных и праздников. И появились первые достойно заработанные деньги. Даже пришлось оставить работу барменом (ей очень нравилось), так как надо было допоздна принимать детей. Ночью просто приходила в этот бар помочь новой барменше и поболтать с ребятами. Это были годы, когда Славик уехал в Штаты, а она закончила университет, перебралась в Тель-Авив. Работала в школе в Бат-Яме – был прямой автобус. Жила во Флорентине, в южном Тель-Авиве, – сначала с соседкой, милой девочкой Инбаль. А когда появились деньги, одна сняла эту же квартиру, к которой привязалась душой. Такая странная, в рассыпающемся здании, с высокими потолками и двумя балконами. Рядом было полно молодежи, студентов и провинциалов, приехавших в Тель-Авив за свободой. Пооткрывались кафе, закусовые, бары. Жизнь кипела в любое время дня и ночи.

Со Славиком перезванивались, но обоим было ясно, что их брак закончен. Что они разведутся, как только он вернется в Израиль. Только он все не приезжал. Его карьера шла в гору. Он преподавал в Чикагском университете. Консультировал какие-то компании. Как-то, навещая его родителей, которые уже тоже жили в Израиле, она увидела его последние фотографии – уже не пухлый, а подтянутый и очень собой хорош. Рядом с ним была женщина. *Его* женщина – Таня поняла это по смущению свекрови. Спросила, как ее зовут. – «Гейл». – «Он собирается на ней жениться?» – «Не знаю. Господи, почему у вас все не как у людей?» У нее тоже были романы. Мальчик с философского факультета, который хотел стать актером. Невротический роман, навсегда излечивший ее от привязанности к актерам, режиссерам и художникам. А лучше сказать – прививший стойкую неприязнь к нарциссизму и невротизму в любых его проявлениях. Роман тянулся пару лет, трепля ей нервы и не доставляя удовольствия. Когда философ вышел на новый виток осмысления экзистенциальных проблем, она сказала, что им придется расстаться, так как возвращается ее муж. Недоучившийся философ пропал навсегда, скиснув на фоне успешного доктора математических наук. Она до сих пор радовалась, что вовремя закончила эти отношения.

Потом папа одного из ее учеников попросил перевести на русский язык статью из журнала Американского общества математиков (*Journal of the American Mathematical Society*). И это было стопроцентное попадание. Она окончила курсы по переводу научных материалов, потом сделала вторую степень – со специализацией в области синхронного перевода. Но больше всего полюбила переводить статьи, патенты, брошюры, учебники и другую специальную литературу. Сидишь себе тихо на балконе, смотришь, как буквы складываются в слова,

и никто тебе больше не нужен. Очень быстро благодаря первой степени по математике и пониманию материала она обросла клиентами, которые бережно передавали ее друг другу. Работы иногда было слишком много, и приходилось сидеть ночами. Зато потом наступал воздушный период – она бродила по Тель-Авиву, пила кофе с подружками и никуда не спешила.

Сегодня к вечеру ей надо было закончить перевод и отослать клиенту, предварительно вычитав. Забрать мальчиков из школы. Купить маме продукты и приготовить поесть. Развезти детей по кружкам. Забрать, накормить, проследить, чтобы они хорошо почистили зубы. Почитать книжку, погладить спинку, поцеловать в нос.

Она все время помнила о Давиде. Об удивительном ощущении его присутствия. С утра она хотела ему позвонить, но девушка не должна суетиться. Ее это рассмешило, но решила правила не менять и дать мужчине возможность проявить себя. А потом сломалась мамина рука, и день пошел по другому маршруту. Его пропущенный звонок она увидела вечером, когда мальчики спали, а ей надо было срочно вычитать текст.

Галит

Что-то изменилось после разговора с Вардой. Весь вечер она присматривалась к пациентам и психологам, которые работали вместе с ней. Нет, никто ни с кем не флиртовал. Это вообще было место с очень слабым флиртом и сильно развитым эго – супервайзеры, как она, не позволяли себе легкости в отношениях с начинающими психологами, которые делали у них стаж. А те были сосредоточены или напуганы.

Где и кто последний раз говорил ей комплименты? Дежурные комплименты друзей семьи не в счет. Она не могла вспомнить. Но, посмотрев на себя в зеркало, осталась довольна. Высокая, загоревшая, ухоженная. Все в порядке. Даже любовник у нее был еще совсем недавно. Она надеялась, что Давид вернется домой, как всегда, поздно, и она успеет побыть одна, додумать, что же сломалось в ее благополучии. Но он, оказывается, вернулся рано и тоже не в настроении. Сидел во дворике, не работал. Коротко сказал, что устал. Что уже поел. Чтобы она оставила его в покое. Она и не настаивала. Больше не было потребности проговаривать ему свои мысли и чувства.

И тут-то пришло осознание потери. Не в первый раз. Просто раньше она предпочитала не трогать этот ящик Пандоры и делать вид, что никаких проблем нет. Сегодня же не получилось. Пришлось признаться себе, что они потеряли друг друга. Ее глаза больше не светились, когда она думала о нем. По правде, ей было все равно, дома он или нет. Он больше ее не беспокоил, не волновал, не вдохновлял. Главное, чтобы в нужные моменты он был рядом, а гостям можно было показывать его рабочий кабинет и понимающе качать головой, когда заходила речь о много работающих мужьях.

Таня

На часах 23:00. Она только закончила перевод и теперь решила послать Давиду смс. – Она не могла перезвонить раньше; мама сломала руку; мальчики и работа полностью заняли ее день. Она думает о нем. Устала и сейчас пойдет спать. – И остановила себя, чтобы не написать лишнего. Все-таки она была девочкой из интеллигентной семьи.

Давид

Надо просто встать с кресла, закрыть этот день и выспаться перед завтрашней пустотой. Телефон издал урчащий звук. Наверно, это сообщение от Мейрав – напоминание, что завтра с утра он должен быть у клиента в 8:30. Он еще посидел несколько минут. Все, все завершилось. Встал, взял телефон и направился в дом. Открывая дверь, бросил взгляд на экран – Тапуа. Прочитал ее сообщение и не понял. Еще раз прочитал. И безумное количество адреналина выбросилось в кровь. Ему хотелось закружить Галит. Сделать что-нибудь необычное. Жена с профессионально-фальшивой эмпатией остановила его взглядом. Вулкан бушевал в груди. Он разбросал все вещи в поиске футболки для бега, переоделся и поехал бегать в парк.

Галит

Она проснулась в деловом настроении. Все-таки она профессионал – собралась, проговорила про себя всякие правильные фразы. Перед ней лежал список того, что надо было успеть сегодня. Покрасить и подстричь волосы, купить всем подарки, заказать в магазине рыбу для гефилте фиш, позвать садовника. Попросить женщину, которая приходила у них убирать, помыть все шкафы и убрать зимние вещи. Она напонила Давиду заехать к Анат за большой кастрюлей для рыбы. Давид кивнул и выскочил из дома. Она сделала легкую гимнастику, которую всегда делала в дни, когда не ходила в бассейн. Налила кофе, набрала номер Варды (та не ответила). Потом заехал Матан за ботинками – он собирался с друзьями в пеший поход. Пока она искала в шкафу ботинки, наткнулась на папку с документами, которую сама засунула подальше от глаз сто лет тому назад. Матан ушел, а она смотрела на папку, точно зная, что найдет в ней.

Она не хотела этого видеть, но все-таки открыла – договор об условиях развода, тот, который они так и не подписали пятнадцать лет назад. Уже обговорили все детали, согласились и не подписали. Давид остался. Первые годы она хранила эти бумаги, чтобы, если вдруг эта тема поднимется снова, можно было бы сразу подписать. И не тянуть все это, и не проходить снова через боль, унижение, слезы. Тогда его решение уйти застало ее неподготовленной. Да и поводов не было. Она спрашивала его пару раз, почему он все-таки не ушел, но он нашел нужную фразу: «Я понял, что жены лучше, чем ты, мне не найти». Ложь была очевидна, но легка. К тому же она тоже не была готова остаться одна. Они оба сделали вид, что все прошло. А что прошло? Чему было проходить? Его не ждала другая женщина. Просто однажды утром он налил себе виски и сказал, что уходит от нее. Она собиралась в бассейн. «Почему?» – спросила она. «Я не хочу так жить», – ответил Давид. Он нашел свои краски и понял, что совсем перестал рисовать. Он только работает, пусть и очень успешно. Нет, у него нет любовницы, но он не понимает, почему бы ей не появиться. Он больше не любит Галит. Не надо драмы, ведь она тоже больше не любит его. Он не слепой и не дурак.

К этому она не была готова. В их кругу почти не разводились. Появлялись какие-то связи на стороне. Знали ли о них? Вероятно, но все вели себя очень пристойно. А потом от ее лучшей подруги ушел муж. Встретил на конференции другую. Не сильно моложе – пара лет значення не имеет. Года три, как выяснилось потом, они тайно встречались. А потом оба развелись и стали счастливы. Подруга злилась, создавала проблемы с разделом имущества, злословила и была невыносима. Но ее муж не собирался судиться с ней за несколько сот тысяч долларов. Сказал – пусть забирает все, что ей позволяет совесть. Она сникла и взяла половину. После развода он подарил ей новую машину и ушел. Галит подозревала, что в мужских кулуарах тихо восхищались его смелостью. Но она не была готова стать женщиной, от которой ушел муж. Как она всем объяснит – какими словами? Что надоела ему эта сытая жизнь? Что он больше не хочет ее видеть? Не хочет ее вообще.

Тогда она подавила все реакции и сказала, что он волен уйти и делать все, что захочет. Но легко это ему не будет. Дети, собака и дом останутся с ней. Она ничего не хотела менять. Он может уехать прямо сейчас. И ушла плавать. Он подготовил контракт о разделе имущества: оставлял ей дом. Почему он тогда не ушел? Самое обидное – именно, когда он остался, она окончательно поняла, что он больше не любит ее. После этого все стало пристойно, и безвкусно, и, как говорили многие вокруг, как у всех. Потом у него появилась женщина. Галит сделала вид, что не замечает. Потом другая. Он соблюдал приличия, открыто нигде с ними не появлялся. По ресторанам не ходил. А потом у нее появился любовник. И все окончательно успокоилось.

Таня

Почему воспоминания не отпускают ее? Почему все время она пытается просчитать, как бы сложилась ее жизнь, если бы она не уехала? Или уехала в Штаты. Или сразу же развелась бы со Славиком. Как случилось, что вот уже двадцать лет она рядом с человеком, с которым никогда не собиралась быть вместе? Что у них общие дети? Его родители благополучно забыли о том, что брак был фиктивный. Если бы ей заранее рассказали, что именно так она будет жить через двадцать лет, она бы не поверила. А теперь они вполне благополучная пара с семейными праздниками, родственниками, днями рождения, свадьбами. Чужое стало своим. Как это получилось? А где же ее? Было ли когда-нибудь ее? Не может же быть, что у нее никогда не было своего представления о том, какой должна стать ее жизнь. Ее муж, ее дом. Только детей она была готова принять такими, какие они есть. Ей все время казалось, что временный период эмиграции скоро кончится – и начнется ее настоящая взрослая жизнь. Она встретит мужчину, в которого влюбится, и он станет ее мужем. Они купят квартиру, будут вместе ужинать, ходить на море в шабат. А продолжались съемные квартиры, Славик и ожидание того дня, когда начнется ее жизнь. А потом, после нескольких неудавшихся романов, то есть, наверно, удавшихся, но не закончившихся браком, она родила от Славика двух мальчиков. И пришлось ходить в детские садики на все праздники, разучить ханукальные песни и научиться готовить ашкеназные традиционные блюда. Она поняла, что это и есть ее жизнь. И стоя во время сирен в дни Катастрофы и Памяти павших солдат, она точно знала, что вот это то, что у нее есть. Ее дом, ее дети, ее муж Славик – который никому, кроме своей карьеры, не принадлежал.

У них все было благополучно. Она продолжала переводить, и ей это нравилось. Нравилась свобода. Она была востребована, ее ценили, ей вовремя платили. Славик преподавал, писал статьи и консультировал какой-то стартап. Так и жили. Душевной близости не было, но ее ведь не было никогда. Да и кто может ею похвастаться? У скольких она есть? А все остальное выглядело почти так, как у всех. Ее подружки разводились, влюблялись, снова выходили замуж, рожали детей, страдали – словом, жили. А она заморозилась. Никаких страстей. И вдруг Давид.

Она даже не понимала, что запало ей в душу в этом пожилом адвокате. Он был милый, хорошо ей улыбался, не пытался кокетничать и производить впечатление. Наверно, то, как по-детски он не смог скрыть от нее, что она ему очень понравилась. Это длилось какую-то секунду, когда он посмотрел на нее и потерял ход мысли. Так наивно, откровенно и совершенно незащищенно. Как поворачивал голову, как прижимал ее к себе. Так ее мальчики, встречая ее после целого дня разлуки, говорили, что она самая красивая, нюхали ее руки и восторгались, как хорошо она пахнет. А потом она ушла, а он не пытался взять ее телефон. Через несколько недель она позвонила поблагодарить его. Да, он очень помог ей с Шехтером. Ну и еще – она иногда думала про него. Про взгляд, по которому становится понятно, что человек потерялся в твоей улыбке. И она была очень одинока в этот период. Устроенная одинокая замужняя женщина. Когда он предложил встретиться в кафе, она с радостью согласилась. Потому что понимала: жизнь испаряется прямо на глазах. А другой не будет. Каждый прошедший день – ушел навсегда. Слишком часто – мимо нее. И совершенно неизвестно, что придет завтра. И даже выбора особого нет. Тогда она решила: пусть будет все, что только может произойти, и она не будет играть, не будет молчать, не будет скрывать. На море с ним было необыкновенно. Время остановилось, и ей хотелось, чтобы каждая минута тянулась долго-долго. Чтобы его руки обнимали ее. Держали ее, так, как давно никто не держал в объятиях. Последний раз, наверно, папа, когда она была маленькой, а он еще любил маму, и они все были вместе. В его руках она чувствовала себя дельфином – гладким, сильным, упругим животным, в любой момент готовым радостно умчаться в море. Навстречу счастью.

Давид

Он бежал, и улыбка не сходила с его лица. О чем бы он ни думал – улыбался. Потому что все время, непрерывно, думал только о Тане. О том, что через каких-то пару часов увидит ее. Ночью он послал Мейрав мейл с просьбой отменить все его встречи на сегодня. Пусть на них пойдут Эйнат – она его партнер по офису, опытная, умная адвокатесса, на нее вполне можно положиться – и Михаль, которая тоже не первый год в бизнесе. А у него выходной. Сейчас пробежка, потом он искупается в море (вода должна быть уже теплой), а потом поедет завтракать в «Манта Рей», чтобы волны шуршали под ногами и ветер брызгал солеными каплями в лицо. С Таней. Он уже ее пригласил. Когда, разгоряченный от бега, он бросился в воду, то задал себе вопрос – почему он был таким идиотом: любить море, жить в семи минутах езды от него и никогда не ходить на пляж? Зачем он так жил? Он плыл быстро, легко. Потом лег на спину и закрыл глаза. И позволил волнам баюкать себя. Вот оно. Как просто.

Когда он ждал ее в ресторане, вдруг понял, что уже давным-давно не испытывал такого волнения перед встречей с женщиной. Нет, он не был монахом. Особенно после того, как не ушел от Галит. Нужно же было как-то доказать себе, что он мужчина. Женщины привлекали его внимание – красивые, умные, мягкие, трогательные. С ними было беззаботно. И в его душе играла музыка, когда он ехал на очередное свидание. Марш. Звук фанфар – музыка победителя. Сегодня же это был трепет. Как будто бабочка щекотала его крыльями. Какой бред, подумал он. Романтический бред. И было замечательно, что он приехал раньше и можно было просто смотреть на воду, на солнце – и никуда не спешить. Женщина, которая превращала его дни в радость, вот-вот придет. И она вскоре пришла.

Они завтракали долго-долго. Он рассказал ей, что хотел стать художником. И что у него была умная собака, боксер. Собака внимательно смотрела на него, виляла хвостом и делала что хотела. И еще она обожала детей: мальчики ложились на ковер, а она, ухватившись за ковер зубами, возила их по полу. Потом они возили ее. И в доме были смех и счастье. Таня смеялась и заодно рассказала, что всегда хотела собаку, но сначала родители говорили, что у них нет сил за ней ухаживать, а потом разошлись. Она осталась с мамой, папа иногда приходил – там детей не делили. «Как не делили?» – спросил Давид. Так, дети – всегда с мамой. Потом был Израиль – общежитие университета, квартира с соседкой. Словом, она так и не решилась завести собаку. И как-то долго было непонятно – уедет ли она к мужу в Америку, останутся ли они в Тель-Авиве. А может быть, разведутся. Давид сказал, что не понимает. Таня сказала – она тоже. Это какой-то странный брак, они вообще не собирались быть вместе. Просто не случилось развестись. В Америке у него, конечно, были другие женщины, некоторых она встречала. С Гейл все было очень серьезно. Но она отказалась переехать сюда. А он не хотел оставаться в Штатах – родители его уже были в Израиле, и брат сдал врачебный экзамен. Его ждала работа в Тель-Авивском университете, а у мамы все предпочитали говорить на родном языке, читать внукам русские книжки и есть по шабат на завтрак вареную картошку с селедкой. Славик вернулся в Израиль один, и они снова не развелись. А потом ей сказали, что она в группе риска, и если она хочет иметь детей, то ей надо родить ребенка сейчас. Славик не возражал, и она родила. А потом второго, чтобы ему не было так одиноко, как ей. Славик остался с ней, потому что Гейл так и не приехала в Израиль. До сих пор он с ней, но она толком не знает почему. И погрузнела.

Давид сказал – он умрет, если не сможет обнять ее прямо сейчас. «Я тоже» – и посмотрела ему в глаза. Он спросил: «Сколько времени у тебя есть?» – «В 16:00 я должна забрать мальчиков после продленки». – «Три часа. Оставим твою машину здесь, я потом верну тебя сюда». И они доехали до ближайшей гостиницы на тель-авивской набережной. Давид зашел первым, а потом позвонил и сказал, в какой номер подняться.

Галит

Седек Песах всегда проходил у них. Собиралось человек двадцать – двадцать пять. Надо привести дом в порядок. Обустроить двор. Придут дети – приготовить каждому любимое блюдо. Может быть, Матан будет с девушкой. Уже совсем взрослый.

После праздника они собирались с Давидом поехать в Тоскану. У них установился некоторый привычный ритуал в поездках. С утра он обязательно работал часа два (отрабатывал свой хлеб – иначе просто не мог). Она отсыпалась, нежилась, медленно вставала. Они неторопливо завтракали и выходили на прогулку. Заходили в музеи, галереи, просто гуляли. Давид читал все, что ему удавалось найти про данное место. Если ей было интересно – рассказывал. Когда она уставала – он был способен бродить целый день без перерыва, как бедуин по пустыне, – они останавливались: пили кофе, сок, чем-то перекусывали. Гуляли еще около часа. Возвращались в гостиницу – дневной сон был приятным дополнением в отпускном расписании. Раньше в этот час они любили друг друга, болтали, смеялись, делились впечатлениями. Теперь они возвращались в номер и ложились отдыхать. После сна Давид снова работал – недолго, может быть, час-полтора. Она сидела на балконе с бокалом вина или сока. Вечером шопинг, ужин, концерт или снова прогулка. Дни были размеренными. Общение с Давидом – приятным и неустрашающим. Они уже из-за всего отругались. Ничто не могло спровоцировать скандал или ссору. Как единый механизм, они крайне редко сбивались с налаженного хода. Может, Варда прилетит к ней во Флоренцию, и она останется с ней еще на пару дней. А Давид вернется к своей работе. Это было бы просто замечательно.

Сейчас у нее никого нет. Но это ее совсем не беспокоит. Предыдущий любовник (слово, весьма приблизительно описывающее их отношения) уехал на год в Штаты – на шабатон¹³. В сентябре он вернется, и если она захочет, то все может продолжиться. Они периодически разговаривают по скайпу. Оба понимают, что страсти между ними нет. С другой стороны, эти отношения легко будоражат их устоявшиеся жизни. Господи, почему она об этом думает? Потому что ей скучно. Хочется, чтобы драйв никуда не уходил. А разговоры о ботоксе, диетах и успехах детей не в состоянии вывести ее из этой сытой спячки.

¹³ Шабатон – год оплачиваемого отпуска для профессуры в университетах написание научных работ и проведения исследований.

Таня

Она смутилась и совсем не знала, как себя вести в гостинице: что делать, о чем говорить. Потом вспомнила, что решила ничего не скрывать, и сказала Давиду, что неловко себя чувствует. Он смотрел на нее преданно и нежно и сказал, что если она не хочет, чтобы что-то произошло дальше, то он будет счастлив просто посидеть напротив нее. И сел на стул. Она осталась стоять посреди номера. Ей стало смешно – ее смущение, его. Тоже мне, любовники. Как первоклассник на прогулке, которому повезло держать за руку девочку, в которую он тайно влюблен. «Обними меня», – попросила Таня. И его рука обожгла ее плечо. А потом жаркое море качало их на своих волнах, поднимая, бросая и баюкая. Когда они включили телефоны, выяснилось, что Давид пропустил двадцать три звонка, а Таня опаздывает забрать детей.

Ураган дел подхватил их и мотал до позднего вечера. Только уложив детей спать, она вдруг спросила себя: что это было? Но не успела ответить – позвонил Давид. Он тоже закончил наиболее срочные дела. Он сказал ей, как бесконечно счастлив, что она вошла в его жизнь. Какой замечательный день она подарила ему. Она сидела не двигаясь, как древняя египетская кошка, смотрящая через суету в вечность, и мурлыкала от нежности, которая, едва рождаясь, заполняла все внутри. Потом он рассказывал о том, как прошел его день в непрерывных мыслях и воспоминаниях о ней, о том, что теперь он постоянно думает, когда они смогут увидеться в следующий раз. Почему она молчит? Таня ответила, что не хочет пропустить ни одного слова. Что она счастлива и, что ей очень страшно. «Почему страшно?» – спросил Давид. Она не знает, просто страшно. Страшно от счастья. Давид хотел немедленно приехать к ней, чтобы прогнать страх. Но нужно было закончить перевод – она обещала переслать его заказчику рано утром. Она повесила трубку и быстро, всего за пару часов, закончила статью. Все было легко. Все получалось.

Ночь была еще прохладной. Она накинула свитер, налила себе вина и, сидя на балконе, тихо радовалась своему одиночеству среди спящего города. Вот она – та точка, в которой хорошо, полноценно и умиротворенно быть совершенно одной. Она не могла вспомнить, когда так чувствовала себя в последний раз. Всегда хотелось куда-то успеть, убежать, спрятаться, выжить – сегодня можно любоваться луной и знать, что это прекрасно. Что она запомнит эти минуты. Что, наверно, завтра позвонит Давид.

Странное ощущение: вот она, ее настоящая жизнь. Человек, встречи с которым она ждала много лет. Наверно, поэтому все предыдущие годы она не разводилась со Славиком – потому что другой, настоящий, еще не пришел. Кстати, надо будет сказать Славику, что она уходит от него.

Давид

Он не мог уснуть. Долго ворочался в кровати, затем сидел во дворе, курил сигару – сна не было, усталости не было. Мысли о работе вызывали стойкое неприятие. Он не помнил, когда еще так сильно не хотел работать. А ведь работа всегда была его убежищем, его козырной картой. Работа – это он сам. Но он остался – а работа, точнее, потребность в ней, уходила от него. Он думал о Тане, о ее прохладных руках. О счастье, которое ворочалось и замирало около сердца, как только он вспоминал ее улыбку. Пришла кошка и легла ему на колени. Так они просидели пару часов. Ему казалось, что он размышляет о чем-то очень важном, только у него никак не получалось уловить эти мысли. Под утро ему удалось заснуть. И в новый день он вошел бодрым, радостным, уверенным в том, что все теперь будет, как надо. Было ощущение, что теперь —то он это знает совершенно точно.

Он попросил Мейрав освободить ему два утра в неделю (почти по полдня), чтобы ходить на море, видеть Таню – и еще для чего-то, что он не мог определить словами, но для чего-то очень важного, связанного с процессами развития и усовершенствования. Еще он попросил составить точный график встреч, подачи документов, судов, переговоров на ближайшие три месяца и вообще. «Что вообще?» – спросила Мейрав.

Он не знал, что ответить. Сказал, что ему нужно время подготовки для изменения стратегии... Говорил какую-то ерунду, но очень уверенно. Не мог же он ей сказать, что хочет меньше работать, чтобы целовать Танины плечи. «Но ты же уезжаешь в отпуск, вот там и подумаешь». – «Когда?» – «Через пару недель». И он вспомнил. Что уже куплены билеты и заказаны гостиницы, что все рабочие «долги» закрыты, расписание полностью подстроено под его поездку. И невозможно освободить два утра. Жизнь давно распланирована на месяцы вперед. А через десять дней наступит Песах. И у них дома будет Седер, и гости, и хлопоты. Обычная жизнь, из которой он случайно выпал вчера. Сначала он потребовал отменить... ну хоть что-нибудь отменить. А потом понял – отменять нечего. Не бросать же своих клиентов, которых он ведет последние восемь лет. Не скажет же он Галит, что не хочет с ней ехать. А хочет быть рядом с другой женщиной. Быть так близко, чтобы можно было приехать на полчаса вечером, чтобы просто поглядеть на нее. Он поклялся себе, что сразу после праздников все поменяет. Попросил Мейрав построить новое расписание после праздников. «Это возможно только с июня» – уточнила Мейрав. А потом непрерывно звенели рабочий телефон, мобильный, скайп. Приходили сообщения по ватсап, смс, мейлы...

В обед он позвонил Тане, чтобы сказать... Что сказать? Что он перестроил свое расписание, чтобы видеться с ней, что он, как выяснилось, через десять дней уезжает на неделю. Что он очень скучает, но, наверно, сегодня не сможет приехать к ней. Она тихо сказала, что ей жаль. Что после Песаха она уезжает на две недели, что, как только начнутся каникулы в школе, ей будет гораздо сложнее найти время. Что сегодня она свободна. Совершенно свободна. И очень жаль, что они не смогут так долго увидеться. А потом добавила, что подошла ее очередь в кассу и она перезвонит. Но когда она перезвонила ему, он был на скайпе со своим клиентом. А когда освободился, она везла старшего к другу, младшего на кружок, потом забирала одного и кормила другого. Купала и укладывала спать обоих. Выходя из офиса поздно вечером, он, отчаявшись, снова набрал ее номер – она помолчала в трубку и сказала, что все поняла: теперь всегда будет так. А вчера был сон, счастливое совпадение, насмешка судьбы – теперь они так и не смогут найти время, чтобы встретиться. И Давид тут же приехал к ней. Всего пятнадцать минут без пробок. Они тихо сидели в его машине, и он обещал ей, что все устроит, что все изменит, что они всегда будут вместе. Пусть она только немного подождет – только месяц после Песаха, две недели после ее возвращения.

– Как ты будешь жить, когда я уеду? – спросила Таня.

– Я буду страдать. – Он улыбнулся. – Может быть, это будет приятно. Я не помню, как это – страдать из-за женщины. Я буду скучать. Каждую свободную минуту я буду ходить на море и думать о тебе. Я смогу тебе позвонить?

– Конечно. Я буду на конференции, а потом у подруги в Бостоне.

– Почему ты уезжаешь так далеко и надолго?

– Я не знала, что встречу тебя, – мягко улыбаясь, ответила она.

Он говорил ей, что это ерунда. Что больше они не будут так расставаться. А потом вдруг позвонила Галит и спросила, где он вообще. На встрече, а что? Надо проехать через Варду (она жила близко) и забрать у нее кастрюлю для чолнта. Обязательно сегодня? – спросил он. А ему трудно? – спросила Галит. И добавила, что, как всегда, все снова на ней. И вообще, что это за встречи по ночам? Он поспешил ее прервать – сказал, что заедет за кастрюлей. И погрузился. Таня притихла. А потом он стал прощаться и спросил, может ли он обнять ее прямо у ее дома. Конечно, может. Он прижал ее к себе.

– Господи, что это за духи?

– «Obsession», Кельвин Кляйн.

– Да, это точно, – заметил он. Иначе нельзя описать то, что с ним происходит.

И поехал к Варде. А потом, уже мрачный, вернулся домой. Он думал, как все теперь сможет организовать? Как все утрясти и утрамбовать в двадцать четыре часа? Галит, поджав губы, тихо, но четко заметила, что его работа перешла все допустимые рамки. И он вдруг зло оборвал ее: благодаря его работе они едут в Италию в самый праздник, без всякой на то причины, спустя только два месяца после того, как все ездили кататься на лыжах. И эта работа обеспечивает ей бассейн, массажи и возможность работать на полставки. И она никогда не возражала раньше, так что, собственно, произошло? Не успела взять кастрюлю у Варды? Могла бы съездить завтра утром сама.

Таня

Мысли о предстоящем отъезде Давида были непереносимы. Реальность вlepила ей отрезвляющую пощечину. Она знала, что этот мужчина – муж другой женщины. У нее не было иллюзий. Но она не хотела боли и разочарования. Это она уже пережила. Не так много лет прошло с той поры, когда ей удалось принять свою нынешнюю жизнь и смириться с ней. Не было счастья, но пришло спокойствие. Если бы знать, зачем это все с ней происходит, что будет дальше. Вот бы ее кто-нибудь успокоил или остановил. К сожалению, ее нельзя остановить. Не удержавшись, она достала колоду Таро (из дальнего шкафа, с высокой полки – куда засунула ее пару лет назад, пообещав себе больше не прикасаться к ней) и вытащила себе карту. «Смерть». Таня затихла. Зачем она снова стала с этим играть? Не надо было брать карты. Они могут сказать что-то неприятное, и придется много дней убеждать себя, что это все ерунда. Конечно, «Смерть» можно толковать как начало чего-то нового, другого, совсем с ее прошлым не связанного. Она прислушалась к себе – страх перекрыл радость. Она решила, что будет думать – это ее новая жизнь стоит на пороге.

Все последующие дни прошли в суете между развозами детей. Наступили школьные каникулы, потом приехал Славик, потом был Седер Песах у свекрови, потом они все были в гостях у ее подруги – дети одного возраста. Она никак не могла поймать минуту, чтобы поговорить со Славиком. Он был, как всегда, занят какими-то своими делами. Крупная американская компания вела переговоры об инвестиции в его стартап. Они по ночам сидели на телефонах с Америкой, до утра обсуждали предложение, днем советовались с адвокатами, потом что-то еще обсуждали – словом, его почти не было.

Давид звонил, приезжал, отменял свои встречи. Был рядом всегда – иногда только на пару слов. У нее возникло ощущение, что ее жизнь похожа на разбившуюся чашку, которую она старается склеить, но ей не хватает отдельных частей, которые рассыпались и безвозвратно потеряны. Давид стал совсем ручной и беззащитный. Он старался перевернуть жизнь так, чтобы работать тогда, когда она не с ним и ей нельзя позвонить – ночь, шабат. А днем он всегда был готов сорваться и ехать к ней. Она не могла сосредоточиться на работе, на мальчиках. За пару дней до его отъезда в Италию он попросил ее поехать с ним в Иерусалим. У него с утра была встреча с клиентом, а потом он предложил ей остаться погулять, пообедать. И понимая, что они расстанутся недели на три, она попросила свекровь забрать детей до вечера и уехала с Давидом. Когда Славик недовольно спросил, почему он должен укладывать их спать, она ответила, что он, вероятно, забыл, что у нее тоже есть работа, а у него дети.

Таня

Заседание Давида было в Кирьят ха-Мемшала¹⁴. А у Тани было часа два на все, что она захочет. Сначала ей хотелось пойти в музей, это практически рядом, минут пять – десять пешком. Но, когда она дошла до музея, поняла, что ей надо срочно прикоснуться к Стене Плача и поговорить с Богом. Она даже не спросила себя, о чем ей надо поговорить с Ним, просто – надо. Она остановила такси, а по дороге вдруг начала плакать. Арабский водитель увидел легкое дрожание ее губ и старался больше на нее не смотреть. А она уже просила Бога о том, чтобы Давид остался в ее жизни навсегда. Выйдя около Мусорных ворот, она через десять минут стояла у Стены. Рядом сидели и стояли женщины всех возрастов, и каждая что-то просила. Таня подошла совсем близко к Стене и положила на нее правую руку. Прислонилась к ней лбом и закрыла глаза. Просила, чтобы дети были здоровы и радостны, чтобы у них были друзья, чтобы мама была довольна жизнью и у нее ничего не болело, чтобы у Славика все получалось, чтобы свекровь не теряла интереса к жизни. Чтобы у нее самой была работа. Чтобы у нее был Давид. Чтобы Давид был здоров, чтобы у него всегда было время. Чтобы они могли завтракать и гулять у моря, чтобы она могла десять раз на дню разговаривать с ним по телефону, чтобы у него было время бегать по утрам, обедать с ней, чтобы у него были профессиональные партнеры и старательные стажеры. Чтобы все было в порядке у его детей, чтобы ничего не отвлекало его от нее. Чтобы у него было время, чтобы он был здоров, и чтобы кипучая жизненная энергия продолжала переполнять его. Чтобы огромная черная дыра недолюбленности в душе больше бы не напоминала о себе, и не угрожала поглотить ее с потрохами. Она не замечала, что слезы катились по лицу, но здесь мало тех, кто не плачет. Каждая смотрела только внутрь своей души. Чтобы Давид был здоров, чтобы он всегда был со мной, – продолжала шептать Таня. Потом, не поворачиваясь к Стене спиной, она отошла и проверила телефон. Давид писал, что минут через двадцать будет свободен.

¹⁴ Район в Иерусалиме, где сосредоточены здания законодательной, исполнительной и судебной власти Государства Израиль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.